

евгений пронин

Историк.

Испытание на
прочность

евгений пронин

Историк. Испытание на прочность

«Автор»

2026

пронин е.

Историк. Испытание на прочность / е. пронин — «Автор», 2026

Продолжение цикла Историк. Книга вторая "Испытание на прочность".
Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его
знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить
кровапролития и гражданской войны. Получится у него или нет...? Он уже
стал одним из руководителей молодой республики советов.

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35

евгений пронин

Историк. Испытание на прочность

Глава 1

Глава первая. Столица

Москва. 11 марта 1918 года.

Если Петроград был мозгом революции, её воспалённым, бьющимся в лихорадке центром, то Москва была её сердцем — огромным, мощным, но на тот момент словно остановившимся. Город встретил нас не как новая столица, а как встревоженный, сонный гигант, которого бесцеремонно разбудили посреди ночи гроыханием железа и топотом сапог по брусчатке.

Наш состав, украдкой прибывший на Каланчёвскую товарную станцию, был оцеплен двойным, почти сплошным кольцом латышских стрелков. Это была не почётная стража, а боевое охранение. Мы ждали удара в любой момент, от белогвардейского подполья, от анархистов, от дезертировавших солдат. Каждый звук в ночи казался выстрелом. Выгрузка архивов Смольного походила не на переезд правительства, а на эвакуацию штаба разбитой армии.

Моё подразделение, выросшее из личной охраны Ленина, стало ядром всей операции по обеспечению безопасности. Я действовал на свой страх и риск, понимая: если мы не возьмём ситуацию под контроль немедленно, хаос поглотит нас раньше, чем это сделают немцы или внутренняя контрреволюция.

Первоочередной задачей была безопасность Кремля. Это была не просто крепость, а будущий город в городе, который нужно было превратить в неприступный бункер.

— Проверить каждую бойницу! — хрипло командовал я группе бойцов. — На Никольской башне — двойной пост! Ворота держать закрытыми! Любого, кто приближается без пароля, задерживать до выяснения!

В то время как Ленин и другие члены Совнаркома с недоумением осматривали свои новые апартаменты в бывшем Сенатском дворце, тесные, неухоженные комнаты, пахнущие пылью и старой имперской бюрократией, мои люди работали на износ. Мы занимали ключевые точки по всему городу.

Мы заняли не только территорию Кремля. Наркомат по иностранным делам разместился в особняке Денежного переулка, что вызвало у меня глухое раздражение. ВЧК обосновалась на Лубянке, заняв всё здание целиком. Мой собственный аппарат разместился в Доходном доме по соседству, это было тактически верное решение для координации действий.

К вечеру 11 марта карта центральной Москвы была испещрена нашими метками. Но это была карта уязвимостей. Слишком много зданий, слишком мало проверенных людей. Слишком много неизвестных.

Я стоял на Троицком мосту, глядя на тусклые огни за кремлёвской стеной. Грузовики с грохотом выгружали ящики с архивами Смольного у Боровицких ворот. Солдаты тащили тяжеленные сейфы и пишущие машинки через Спасскую башню. Это был не парадный въезд триумфаторов, а тайная, почти воровская оккупация самого сердца страны. И я чувствовал себя единственным человеком, который понимает, насколько шатко наше положение.

Поздно вечером я докладывал Ленину о проделанной работе. Он сидел за огромным письменным столом в своём новом кабинете в Сенатском дворце и подписывал декреты при свете одной-единственной лампы.

— Значит, мы закрепились? — спросил он, не поднимая головы от бумаг. Его голос звучал глухо и устало.

— Да, Владимир Ильич. Территория Кремля под полным контролем. Мои люди проверили все посты и установили круглосуточное дежурство. Основные наркоматы также размещены и взяты под первичную охрану.

Ленин наконец отложил перо и посмотрел на меня поверх очков. В его взгляде читалась не просто благодарность за проделанную работу, а тяжёлая оценка партнёра по большой игре.

— Хорошо... Хорошо... а что вы скажете о самом городе? Как вам Москва?

Я на секунду задумался, глядя в тёмное окно на подсвеченные тусклыми фонарями стены крепости. Я думал о том, что мы сидим в каменном мешке. Красивом, древнем, но всё равно, мешке.

— Это не Питер, Владимир Ильич. Здесь нет той интеллигентской рефлексии, нет того надлома. Это город-мужик. Упрямый и основательный. Если мы обоснуемся здесь крепко за этими стенами... нас отсюда уже не выкурит никакая сила.

Ленин усмехнулся в усы и снова взялся за перо.

— Вы правы, Александр Владимирович. В этом городе есть что-то... первобытное. Московское. Что ж, будем строить столицу здесь. А теперь идите.

Глава 2

Глава вторая. Предложение и условия

Москва. 12 марта 1918 года. Поздний вечер.

Кабинет Ленина тонул в полумраке. Единственным источником света была настольная лампа под зелёным абажуром, бросавшая резкие тени на лицо Владимира Ильича. Он выглядел смертельно уставшим, но глаза за стёклами очков горели неугасимым, лихорадочным блеском. На столе, заваленном декретами и сводками, стоял одинокий стакан с остывшим чаем.

Я вошёл без стука, условный сигнал был один короткий удар костяшками пальцев о косяк.

— А, Краев, — Ленин оторвался от бумаг. Голос был тихим, но властным. — Проходите, проходите. Садитесь.

Я сел в жёсткое кресло, напротив. В камине тлели угли, но тепла от них не было.

— Я ознакомился с вашим докладом о размещении, — начал Ленин без предисловий. — Вы проделали колоссальную работу. В Петрограде мы были как на ладони, а здесь... здесь мы действительно можем чувствовать себя в крепости. Это целиком ваша заслуга.

Я молча кивнул, ожидая продолжения. Похвала от Ленина часто была лишь прелюдией к чему-то более важному.

— Но ваша работа не должна ограничиваться только охраной зданий и маршрутов, — Ленин снял очки и начал методично протирать их носовым платком. — Нам нужна системность. Нам нужен тотальный контроль над исполнением решений на местах. Страна разваливается. Губернии не подчиняются центру, наркоматы саботируют друг друга... Нам нужен единый карающий и контролирующий орган.

Он надел очки обратно и вперил в меня свой знаменитый прищур.

— Я решил создать Народный комиссариат государственного контроля. С самыми широкими полномочиями. И я хочу предложить этот пост вам.

Я не удивился. Я ждал этого разговора со вчерашнего дня. Но я также знал, что это предложение, палка о двух концах. Я получу власть, но потеряю свободу маневра, если не поставлю свои условия.

— Это большая честь и огромная ответственность, Владимир Ильич, — медленно начал я, тщательно подбирая слова. — Но прежде чем я дам ответ, у меня есть два условия. Без их выполнения моё назначение теряет смысл.

Ленин чуть приподнял бровь, но промолчал, давая мне говорить.

— Первое. Служба, которую я создал для обеспечения безопасности руководства... она остаётся в моём прямом подчинении. Она не входит в структуру наркомата и не подчиняется никому, кроме меня и вас лично. Это не личная гвардия, это профессиональный инструмент контроля и защиты. Если вы попытаетесь переподчинить её кому-то из наркомов или ВЧК, я откажусь от должности.

Ленин задумчиво пожевал губами. Это было дерзкое требование, посягающее на полномочия других ведомств, но он видел в этом логику.

— Продолжайте.

— Второе. Моя работа по контролю будет бессмысленной и опасной, если мы будем терять руководителей из-за элементарной халатности. Охрана должна быть комплексной. Я настаиваю на том, чтобы моя служба взяла под защиту не только вас. Под круглосуточную охрану должны быть взяты все члены Совнаркома, члены ЦК и ключевые наркомы. Дзержинский занят контрразведкой и борьбой с саботажем, у него нет ресурсов для персональной охраны каждого наркома от уличных террористов или спятивших анархистов. Это моя зона ответственности.

В кабинете повисла тишина. Было слышно, как где-то в коридоре скрипнула половица под шагами часового.

Ленин встал из-за стола и медленно прошёлся к окну, за которым чернела непроглядная московская ночь.

— Вы хотите создать государство в государстве, товарищ Краев? — спросил он тихо, стоя ко мне спиной.

— Я хочу создать систему, Владимир Ильич. Систему, которая будет работать как часы. Где каждый винтик на своём месте и под контролем. А для этого часы нужно защищать от любого внешнего воздействия.

Ленин долго молчал, глядя в темноту. Затем он повернулся. На его лице не было гнева, лишь глубокая усталость и что-то похожее на уважение к упрямству собеседника.

— Вы ставите жёсткие условия... Но вы правы по сути. Ваша служба, это ваш инструмент. Я не буду её у вас забирать. И я согласен с необходимостью охраны всего руководства. Мы издадим соответствующий декрет.

Он подошёл к столу и снова сел.

— Что ж... Мы договорились об условиях. Теперь к делу. Когда вы сможете представить мне структуру вашего наркомата? И кто из ваших людей займётся охраной членов ЦК, Савнаркома?

Я позволил себе лёгкую улыбку.

— Структуру я набросаю к завтрашнему утру. А для охраны... У меня есть на примете несколько человек из проверенных кадров ВЧК и мои старые товарищи по петроградской ячейке. Они идеально подходят для такой работы.

Ленин кивнул:

— Хорошо. Идите, Краев. И еще, Ваш наркомат будет располагаться в гостинице «Россия», я уже дал распоряжение. Теперь на ваших плечах лежит ответственность за весь государственный аппарат Советской России.

Глава 3

Глава третья. Проект Народного комиссариата государственного контроля Москва. 12 марта 1918 года. 23:40.

Тишина в кабинете была плотной, почти физической. Она давила на уши, заставляя слышать собственное дыхание. Я сидел за массивным столом из красного дерева, заваленным картами и списками, смотрел на чистый лист бумаги. Это был не просто лист. Это был холст, на котором мне предстояло нарисовать новый контур власти.

Я налил себе стакан воды из графина. Пить не хотелось. Хотелось смыть с себя липкий пот напряжения. Разговор с Лениным прошёл успешно, но это была лишь дипломатическая прелюдия. Настоящая битва начиналась сейчас. Битва с хаосом, с бюрократией, с человеческой глупостью, с самим собой.

Я взял карандаш. Дерево было гладким, отполированным. Грифель коснулся бумаги и замер.

С чего начать? С карающего меча? С аналитического мозга? С ушей и глаз? Если я сразу создам мощный карательный орган, я стану пугалом. Ещё одним Дзержинским, только в профиль. Меня будут ненавидеть и бояться, это верно. Но страх, плохой союзник для созидания. Он заставит наркоматы не работать лучше, а лгать искуснее. Они будут писать, а я буду получать красивые отчёты, а страна будет продолжать голодать и разваливаться. Нет. Структура, основанная исключительно на страхе, это путь к созданию герметичной, лживой и неэффективной системы.

Я решительно вывел наверху листа жирную надпись: НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НКГК)

Ниже написал: Коллегия стратегического планирования и аудита (КСПА). Фундамент. Без цифр мы слепы. Без объективных данных любая реформа, это блуждание в тумане. Нам нужен центр сбора и анализа информации, который будет выдавать не идеологически выверенные лозунги, а сухие факты. Но кто? Нужен человек вне партийных склок. Экономист старой школы... Свешников? Александр Александрович? Да, он гений экономики. Но... я поморщился, вспоминая его биографию из будущего. Слишком мягкий. Идеалист до мозга костей. В моей истории его сломают в конце двадцатых в рамках «Шахтинского дела». Он не выдержит давления партийной бюрократии, которая будет требовать от него подтверждения своих бредовых идей о «скачке». Он сломается или погибнет. Я не могу на это обречь хорошего специалиста. Я стёр имя «Свешников» так резко, что грифель сломался с сухим щелчком.

Нужен кто-то другой. Кто-то с железными нервами и безупречной логикой военного человека, который привык к дисциплине и не поддаётся панике. Я написал: Начальник КСПА — Быстрых Николай Михайлович, бывший. полковник Генштаба. Да. Этот не прогнётся под давлением цифрами «вправо» или «влево». Он будет смотреть на графики, как на карту боевых действий. Для него экономика, это тоже фронт, и он будет держать его профессионально и холодно.

Дальше. Как мы будем видеть реальную картину? Отчёты наркоматов, это сплошная ложь, призванная скрыть собственное бессилие. Нам нужны глаза на местах. Я написал: Главное Инспекционно-ревизионное управление (ГИРУ). Руки наркомата. Вот здесь нужен зверь. Человек-ищейка. **Начальник ГИРУ — **? Я задумался. Кто у меня есть? Добронравов? Нет. Николай Петрович, это моё сокровище, моя главная опора в личной охране Ленина. Его феноменальная память и опыт филёра незаменимы для обеспечения физической безопасности вождя. Я не могу забрать его у Ильича ради кабинетной работы, какой бы важной она ни была. Мне нужен кто-то другой... Кто-то такой же цепкий, но из другой среды. Я написал: **Началь-

ник ГИРУ — **? Кандидатура: найти бывшего сотрудника казённой палаты или опытного следователя.

Я откинулся в кресле, глядя на схему из двух блоков: мозг и кулак. Слишком жёстко? Слишком похоже на жандармерию? Но стоп.

Я вспомнил лица своих друзей из ячейки. Миша — идеалист, Николай — работяга, Василий — стихийная сила моря. Они здесь, со мной. «А что с ними?» — спросил я себя. Я не мог оставить их просто охранниками при дверях в моей будущей структуре НКГК. Это было бы расточительством их талантов и... предательством по отношению к будущему, которое я знаю. Я взял новый лист и вывел заголовок: СЛУЖБА СПЕЦИАЛЬНОЙ ОХРАНЫ НКГК (ССО). Это моя личная гвардия для защиты самого наркомата и его сотрудников от внешних угроз.

Руководитель силовой группы: Василий, мой друг-матрос. Ему я поручу формирование мобильных групп быстрого реагирования для физической защиты объектов наркомата и его сотрудников.

Руководитель агентурной части: Кандидатура: найти молодого, амбициозного и абсолютно преданного человека из кадров ВЧК.

Но для моих друзей здесь тоже должно быть место. Я сделал пометку: «Отдел физической защиты объектов (ОФЗО)».

Начальник отдела: Кандидатура: Николай Добронравов. Нет! Я же решил оставить его при Ленине. Пересмотреть.

Заместитель начальника по кадрам и внутренней безопасности: Кандидатура: Михаил. Его честность и знание бюрократических механизмов изнутри, помогут отсеивать неблагонадёжных при приёме на работу в наркомат и следить за моральным климатом внутри аппарата.

Теперь нужно было добавить ещё один блок — тот самый клапан для сброса пара. Я взял чистый лист. Управление по работе с обращениями граждан и общественному контролю (УРОГ). Это будет наш отдел «правды». Люди должны иметь возможность донести до нас информацию о реальном положении дел на местах, минуя всю бюрократическую цепочку: от председателя сельсовета до наркома в Москве. Кто? Нужен идеалист. Абсолютно чистый человек с безупречной репутацией революционера-романтика, которому поверят простые люди и которого невозможно будет купить или запугать партийным билетом. Я написал: Начальник УРОГ — Тучапский Евгений Петрович.

Да. Этот человек ещё помнит каторгу за идею. Его слово будет весомо не потому, что у него есть вооружённый отряд за спиной, а потому что его авторитет непререкаем для простого рабочего или крестьянина. Он станет нашим моральным компасом и живым мостом между властью и народом.

Но этого мало! Я должен спасти ещё одного человека! Того, кто станет символом честности этой новой структуры! В моей памяти всплыло имя: Александр Георгиевич Андреев. В реальной истории он станет председателем Центральной контрольной комиссии ВКП(б), но в 37-м его расстреляют как «врага народа». Здесь этого не будет! Я сделал пометку жирным шрифтом: «Включить в структуру УРОГ должность заместителя начальника специально под кандидатуру Андреева А.Г.». Он станет моим главным контролёром над контролёрами, человеком безупречной репутации внутри самой партии большевиков.

Я снова посмотрел на схему из четырёх блоков:

Мозг: КСПА -Быстрых.

Кулак: ГИРУ - нужен новый кандидат.

Душа: УРОГ- Тучапский + Андреев.

Щит: ССО - Василий + новый кандидат от ВЧК.

Это была структура не для того, чтобы угождать власти. Это была структура для того, чтобы заставлять власть работать эффективно ради выживания страны в грядущей мясорубке Гражданской войны.

Процесс был мучительным. Я стирал имена, менял структуру управления местами три раза... Но результат меня удовлетворил.

На столе передо мной теперь лежали четыре листа — скелет нового органа власти.

Я снова посмотрел на схему из четырёх блоков. Она была несовершенна, я это знал. В ней зияла дыра — пустая графа начальника ГИРУ. Найти нужного человека, не обладая всей полнотой информации о кадровом резерве Москвы, будет чертовски сложно. Но основа была заложена. Это был не просто чертёж наркомата. Это был чертёж предохранителя, который, как я надеялся, не даст этой стране взорваться раньше времени.

Я сложил листы в кожаную папку с монограммой бывшего владельца номера и спрятал её во внутренний карман пальто рядом с револьвером.

Завтра утром я положу этот чертёж на стол Ленину.

Я лёг на диван прямо в одежде, не раздеваясь. Спать не хотелось. Мозг работал на предельных оборотах, прокручивая завтрашний диалог.

Если Ленин одобрит структуру — а я в этом почти не сомневался, слишком логичной и необходимой она была — он обязательно спросит: «Хорошо, товарищ Краев. Структура есть. С чего вы начнете свою деятельность? Какие будут первые шаги?»

Что я могу ответить? «Начну с проверки Наркомпрода»? «Поеду с инспекцией на Путиловский завод»? Это всё тактика. Это мелко.

Нет. Мой ответ должен быть стратегическим. Он должен показать Ильичу, что я понимаю масштаб задачи.

В первую очередь, мне нужна информация. Не слухи, не отчёты, написанные для галочки, а первичные данные. Я немедленно потребую от всех наркоматов предоставить в НКГК всю информацию: по производству, по логистике, по распределению ресурсов, по финансам. Мои люди из аналитического отдела (КСПА) должны будут в первую очередь провести аудит самой системы управления. Как наркоматы собирают данные? Кто их обрабатывает? Какова достоверность входящей информации? Мы должны будем вскрыть саму систему на её базовом уровне. Мне нужно понять реальное положение дел в стране.

Но это только начало.

И здесь я перейду к главному. К тому, что должно стать нашим абсолютным приоритетом номер один. Армия. Нам нужна армия. Срочно. Я знаю то, чего, возможно, ещё не до конца осознаёт Ильич: Брестский мир — это не мир, это отсрочка. Немцы выдохлись на Западе, но как только они там решат свои проблемы, они вернутся за нашим скальпом. А Антанта? Они уже высаживаются в портах. Интервенция неизбежна. Поэтому я предложу Ленину не просто создать армию, а активизировать этот процесс с учётом международной обстановки. Мои люди из КСПА должны немедленно начать анализ: сколько у нас есть винтовок на складах, какова пропускная способность железных дорог для переброски войск, где мы можем разместить учебные лагеря так, чтобы они были вне досягаемости немецкого удара из Прибалтики.

Но и это ещё не всё. Как будущий стратег и строитель нового государства, я понимаю: кадры решают всё. И это будет моя главная работа после того, как мы получим данные. Я буду изучать личные дела сотрудников наркоматов, их связи, их лояльность. Я буду знать, кто работает на Зиновьева в Петрограде, кто является ставленником Троцкого в армии, а кто — скрытым сторонником Бухарина в ВСНХ.

И тогда моя структура превратится в инструмент тонкой настройки. Я смогу предлагать Ленину кадровые перестановки: этого талантливого инженера, на восстановление транспорта, этого честного бухгалтера, в Наркомфин. Я смогу ослаблять влияние одних лидеров партии, лишая их лояльных исполнителей на местах, и усиливать позиции других, предоставляя им компетентные кадры. НКГК станет не просто контролёром, а главным звеном страны.

Это нужно продумать. Нужно подготовить аргументы.

Я закрыл глаза. Завтра будет тяжёлый день. Но я был готов. Архитектор осмотрел свой чертёж в последний раз перед тем, как представить его заказчику.

Глава 4

Глава четвёртая. Первый ход

Москва. 13 марта 1918 года. 09:00 утра.

Кабинет Ленина в Сенатском дворце Кремля.

Кабинет был залит холодным утренним светом, который безжалостно высвечивал все недостатки нового жилья: облупившуюся краску на высоких потолках, вытертый паркет и общий развал имперского великолепия. Ленин сидел за своим столом, но не работал. Он читал. Перед ним, аккуратно разложенные, лежали четыре листа плотной бумаги — проект структуры НКГК, который я передал ему вчера вечером.

Он поднял голову, когда я вошёл. В его взгляде не было ни восторга, ни удивления, лишь глубокая, сосредоточенная задумчивость. Он снял очки и положил их на исписанные листы.

— Садитесь, Александр Владимирович, — он указал на стул, напротив. Голос был ровным, но я заметил, как он слегка барабанит пальцами по столу. Это был признак крайнего внутреннего напряжения.

— Я изучил ваш проект, — без предисловий начал он. — Структура... впечатляет. Логичная. Жёсткая. Сбалансированная. Я даже не буду спрашивать, где вы набрались такого опыта в государственном строительстве. Я просто приму это как данность.

Он сделал паузу, постукивая пальцем по листу с названием «Служба специальной охраны».

— А вот это... это очень правильно. Автономность от Феликса, мудрое решение. Нам не нужна ещё одна силовая структура, борющаяся за влияние.

Я молча кивнул. Compliments были приятны, но я ждал главного вопроса.

Ленин словно прочитал мои мысли. Он резко подался вперёд, впившись в меня своим знаменитым прищуром.

— Структура, это прекрасно. Это скелет. Но что с плотью? Что с кровью? — он говорил быстро, рублеными фразами.

— Вы принесли мне скелет. Я спрашиваю вас: как вы собираетесь заставить его ходить? С чего вы начнёте свою деятельность? Какие будут первые шаги?

Я ждал этого вопроса всю ночь. Мой ответ был готов.

— Владимир Ильич, мои первые шаги будут лежать не в плоскости инспекций или проверок конкретных заводов. Это всё тактика, это работа на износ с минимальным результатом. Мои первые шаги будут стратегическими.

Я сделал паузу, собираясь с мыслями.

— Шаг первый: информация. Я немедленно подпишу приказ о том, что все наркоматы обязаны предоставить в НКГК всю первичную статистику и отчётность за последний квартал в полном объёме. Мы должны увидеть реальное положение дел в стране, а не ту картину, которую рисуют для ЦК местные функционеры. Мои аналитики из Коллегии планирования (КСПА) начнут аудит самой системы сбора данных. Нам нужно понять, где система лжёт нам в первую очередь.

Ленин слушал внимательно, не перебивая.

— Шаг второй: армия и внешняя угроза, — я говорил твёрдо, глядя ему прямо в глаза. — Я предлагаю немедленно активизировать работу по созданию регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). В рамках НКГК моя Коллегия планирования должна немедленно начать анализ наших оборонных возможностей: мобилизационный ресурс, наличие оружия на складах, маршруты его переброски.

Я встал и подошёл к карте на стене, указывая карандашом на Западную Европу.

— Нам нужно знать, за сколько дней мы сможем собрать и вооружить сто тысяч штыков в случае возобновления немецкого наступления или начала интервенции Антанты.

Я сделал паузу, давая ему осмыслить цифру, а затем продолжил, понизив голос и говоря более доверительным тоном

— Хотя я уверен, Владимир Ильич, что до этого не дойдёт в ближайшее время. Немцы не будут нам мешать создавать РККА. Более того, им это выгодно. Им выгодно, чтобы мы остались у власти и не разорвали Брест-Литовский мир. Они выкачивают из нас ресурсы и перебрасывают войска на Западный фронт. Пока мы соблюдаем условия мира, они, наш злейший враг, но при этом гарант того, что на нас не нападёт кто-то другой с запада.

— А вот Антанта... Антанта сейчас полностью занята разгромом Германии. Им пока не до нас. Их войска увязли во Франции. Но как только решится их спор с кайзером... — я провёл карандашом дугу от Мурманска до Владивостока. — Вот тогда нам станет ясно, кто именно на нас нападёт. И к этому моменту у нас должна быть не просто армия, а сила, способная заставить любого интервента серьёзно задуматься о цене вторжения.

Я вернулся к столу и опёрся на него рукой, глядя Ленину прямо в глаза.

— Поэтому анализ нужно начинать уже сейчас. Нам нужно знать наши реальные возможности, чтобы строить планы не на песке, а на твёрдых данных.

Я сделал ещё одну паузу, собираясь с мыслями перед тем, как нанести главный удар.

— И ещё один вопрос, Владимир Ильич. Мне известно, что 6 марта в Мурманске высадился небольшой десант Антанты. И на его высадку согласие давал Троцкий, а Юрьев выполнил. Если это так... — я позволил себе многозначительную паузу, — то нам это очень дорого обойдётся. Это первый шаг к оккупации. Это прямое нарушение условий Брестского мира и предательство наших договорённостей с немцами.

Ленин молчал. Но его лицо, и без того бледное, стало почти серым. Он медленно снял очки и начал протирать их дрожащими пальцами. Это был не гнев. Это было холодное, расчётливое бешенство.

Он долго молчал, глядя на меня поверх стёкол очков, которые так и не надел обратно.

— Вы мыслите абсолютно верно насчёт Антанты и... некоторых наших товарищей. Он надел очки обратно и посмотрел на меня с новым, тяжёлым интересом. — Кстати о товарищах... Я хотел предложить назначить товарища Троцкого наркомом по военным делам для организации новой армии.

Я встретил его взгляд спокойно и твёрдо.

— Я категорически против этой кандидатуры, Владимир Ильич.

Брови Ленина удивлённо поползли вверх.

— Вот как? У вас есть аргументы?

— Есть, — кивнул я. — Его позиция «ни мира, ни войны» уже стоила нам огромных территорий и едва не погубила революцию. Его методы, это авантюризм и позёрство, а нам сейчас нужна кропотливая, системная работа по строительству армии профессионалов под контролем комиссаров. Троцкий хорош на митингах, но он провалит эту задачу.

Я сделал паузу, давая ему осмыслить мои слова.

— Я обещаю вам предоставить в самое ближайшее время другую кандидатуру на этот пост. Человека жёсткого, прагматичного и абсолютно преданного делу революции.

Ленин долго смотрел на меня, постукивая пальцами по столу. В его взгляде читалась тяжёлая работа мысли.

— Хорошо... Я вас услышал по этому вопросу тоже.

Он откинулся в кресле и посмотрел на меня с хитрым прищуром, в котором читалось одобрение и... расчёт.

— Что ж... Вы меня убедили во многом. Ваша структура утверждается. Начинайте с первого шага.

Он взял ручку и склонился над бумагой, давая понять, что аудиенция окончена.

— И да... найдите уже человека на ГИРУ. Нам нужен этот «зверь», как вы его называете.

Глава 5

Глава пятая. Цейтнот

Москва. 13 марта 1918 года.

Благодаря личному авторитету Ленина и его железной воле, проект был утверждён. Но главное было не в этом. По настоянию Ильича наркомат подчинялся исключительно ему. В кадровые вопросы никто не лез.

Я должен был чувствовать триумф. Эйфорию! Я только что вышел из кабинета Ленина с утверждённым проектом структуры, которая дает мне невиданные полномочия. Но вместо радости, свинцовая тяжесть в груди и липкий, холодный пот на спине.

Времени было в обрез. Страна трещала по швам.

Передо мной встал фундаментальный выбор: не допустить Гражданской войны или минимизировать её неизбежные потери. Я знал историю. Десять миллионов погибших... Эта цифра не давала мне спать.

Моя стратегия была жестокой и прагматичной. Выявить и изолировать будущих лидеров Белого подполья. Перехватить инициативу, нанося упреждающие удары. Решить кадровый вопрос, получив право вето на назначения наркомов.

Но была ещё одна проблема, даже сильнее, чем угроза интервенции. Крестьянство. Я отложил карандаш и подошёл к окну, глядя на город. Скоро посевная. А у нас, хлебная монополия и вооружённые продотряды, которые выгребают у мужика всё до последнего зерна. Я знал, к чему это приведёт. К восстанию. К тому, что самое зажиточное и работающее крестьянство массово пойдёт к белым. Они возьмут вилы и поддержат Деникина и Колчака, потому что мы отнимаем у них хлеб и право на жизнь. Это станет топливом для самой кровавой части войны.

Я должен предложить Ленину не грабить деревню продотрядами, а внедрить систему стимулов. Нужно разрешить свободную торговлю излишками зерна, пусть зажиточные крестьяне продают хлеб и богатеют. Их богатство станет двигателем для всей деревни. Мы должны не отнимать, а создавать условия, при которых производить хлеб станет выгоднее, чем прятать его. Если мы сделаем крестьянство своим союзником, а не врагом, мы лишим белое движение его главной опоры. Это единственный способ избежать самой кровавой фазы Гражданской войны.

Отвернувшись от окна, я снова сел за стол. Решение было принято.

Военное ведомство. Я помнил, чем закончилась «военная гениальность» Троцкого в первые месяцы. Хаос и паника. Решение пришло мгновенно. Я взял новый лист и начал писать проект декрета.

О назначении Наркома по военным делам — Бонч-Бруевича Михаила Дмитриевича.

Идеально. Бывший генерал Генштаба и брат одного из самых преданных партии людей. Это был компромисс, который Ленин оценит.

А что делать с самим Троцким? Его нельзя оставлять без дела или в оппозиции. И тут меня осенило. Я знал из истории, что Коминтерн будет создан в 1919-м. Но зачем ждать? Зачем отдавать Антанте инициативу?

Я вписал следующий пункт:

О создании Коммунистического Интернационала (Коминтерна), и назначении Председателем Исполкома Коминтерна — Троцкого Льва Давидовича.

В качестве приписки я вывел:

«Первоочередная задача: немедленно развернуть агитацию среди военнопленных Центральных держав, около 2 млн человек, для предотвращения их использования против Советской власти».

Это был мастерский удар. Пусть Троцкий едет агитировать в лагеря, а не мешает строить армию профессионалам.

Я только что решил две критические проблемы: поставил во главе армии компетентного специалиста и нейтрализовал самого опасного оппонента.

Глава 6

Глава шестая. Ночной вызов

Москва. 13 марта 1918 года. Поздний вечер.

Отдохнуть не удалось. Я уже выходил из своего кабинета, на ходу застёгивая пальто, когда тишину, нарушаемую лишь гулом ветра за окнами, прорезал резкий, требовательный звонок внутреннего телефона.

Я замер. Кто может звонить по этому аппарату в такой час? Сердце пропустило удар. Я быстро вернулся к столу и сорвал тяжёлую трубку.

— Краев слушает.

— Александр Владимирович? — голос в трубке был тихим и усталым, но я узнал его мгновенно. Ленин.

— Прошу вас срочно прибыть ко мне. В Кремль. В трубке раздались короткие гудки.

Я положил трубку на рычаг. Звонок неспроста. Это я понял сразу. Что-то случилось. Что-то, что не могло ждать до утра и требовало моего личного присутствия.

Я накинул пальто уже на ходу. Морозный московский воздух обжёг лицо, но я почти не почувствовал холода. Мысли неслись вскачь.

До Кремля было недалеко, но путь казался бесконечным. Я шёл быстро, почти бежал, не обращая внимания на редких прохожих и патрули латышских стрелков. Каждый шаг отдавался в висках глухим стуком.

В кремлёвском коридоре было пусто. Часовой у двери ленинского кабинета молча козырнул, пропуская меня внутрь.

В кабинете было полутемно. Ленин был один. Он не сидел за столом, а стоял у окна, глядя на тёмные силуэты кремлёвских башен. Услышав мои шаги, он медленно повернулся.

— Проходите, Краев. Садитесь. Разговор будет...долгий.

Я сел в кресло напротив стола. Он не торопился начинать. Он обошёл стол и сел в своё кресло, сцепив пальцы в замок и положив их перед собой. Он смотрел на меня изучающе, словно видел впервые.

— Я хочу поговорить о товарище Троцком, — начал он без предисловий. Его голос был тихим, но в нём звенела сталь.

Я внутренне подобрался. Вот оно что.

— Я весь внимание, Владимир Ильич.

— Его деятельность в Наркомате иностранных дел... — Ленин поморщился, словно от зубной боли. — Это была катастрофа. Его позиция «ни мира, ни войны» стоила нам огромных территорий и едва не погубила революцию. Я снял его с поста наркома сегодня днём.

Он сделал паузу и вперил в меня свой знаменитый прищур,

— ...проблема не решена. Лев Давидович, это стихия. Обидевшаяся, злая стихия. Сейчас он свободен от официальных должностей, но его влияние в партии огромно. Он может стать центром притяжения для всех недовольных Брестским миром, для всех «левых коммунистов». Это дестабилизирует Совнарком изнутри в тот момент, когда нам нужна абсолютная сплочённость.

Ленин замолчал, ожидая моей реакции.

— Вы абсолютно правы, Владимир Ильич, — медленно произнёс я. — Оставлять его без дела или, хуже того, в оппозиции, ошибка. Его энергию нужно направить в выгодное нам русло. Дать ему задачу глобального масштаба, достойную его амбиций, но которая при этом будет полезна нам и удалит его из эпицентра внутривластной борьбы.

Ленин подался вперёд:

— У вас есть конкретное предложение? Я весь день думал об этом и не находил решения.

Я молча достал папку с документами, которые подготовил вечером у себя в кабинете. Положил её на стол перед Лениным.

— Есть, Владимир Ильич. И оно уже оформлено на бумаге.

Ленин с нескрываемым любопытством открыл папку, быстро пробежал глазами первые строки проекта декрета о создании Коммунистического Интернационала и назначении Троцкого его главой.

— Коминтерн... — прошептал он, читая дальше. Его глаза забегали по тексту быстрее. Он дошёл до приписки на полях о первоочередной задаче: агитации среди военнопленных. Он поднял на меня взгляд. В нём читалось изумление и... восхищение.

— Это... гениально. Вы предлагаете ему то, о чём он грезит, мировую трибуну! И одновременно нейтрализуете его здесь! А работа с военнопленными... Это же упреждающий удар по Антанте! Вы понимаете, что мы можем переманить их на свою сторону раньше, чем западные эмиссары доберутся до них?

— Понимаю, Владимир Ильич. Это позволит нам создать из них лояльную силу или как минимум гарантировать их нейтралитет в случае интервенции.

Ленин встал из-за стола и снова начал ходить по кабинету, но теперь его походка была энергичной, а не усталой.

— Изящно... Чертовски изящно! Вы не просто предлагаете убрать его с доски, вы предлагаете использовать его фигуру для атаки! Он будет занят созданием мирового пожара и не заметит, как потеряет влияние здесь!

Он остановился и ткнул пальцем в мою сторону:

— Но он никогда не согласится на это добровольно! Он считает себя вторым человеком в партии! Он считает себя архитектором революции!

— Именно поэтому декрет должен быть подписан сегодня же, Владимир Ильич, — твёрдо сказал я. — Без обсуждения. Как свершившийся факт. Мы даём ему то, чего он жаждет больше всего, статус вождя мирового пролетариата. Но мы делаем это на наших условиях и по нашим правилам.

Ленин вернулся к столу и снова сел в кресло. Он взял ручку и задумчиво покрутил её в пальцах.

— Хорошо... Я подпишу декреты завтра утром с утра пораньше, пока он не успел опомниться и собрать своих сторонников для протестов.

Он отложил ручку и посмотрел на меня с нескрываемым уважением.

Я позволил себе лёгкую улыбку:

— Я просто пытаюсь решать проблемы системно, Владимир Ильич.

Он кивнул:

— И у вас это получается... а теперь к другой проблеме. Мир с Германией дал нам передышку, но он же нас и ослепил.... Мы сидим здесь, в Москве, отрезанные от всего мира. Что происходит в Берлине? Что планирует Антанта? Какова реальная ситуация на Украине? У нас нет информации! Каждый нарком шлёт мне сводки, которые противоречат друг другу! Это анархия!

Я подался вперёд в кресле. Момент был идеальный. Ленин был на пике мыслительной активности, и я должен был использовать этот импульс.

— Владимир Ильич, это ещё не всё, — сказал я твёрдо, перебивая его.

Он удивлённо вскинул бровь, но не остановил меня.

— Вопрос с Троцким, это вопрос внутренней политики. Но есть вопрос выживания государства. Это армия.

Я видел, как в его глазах вспыхнул интерес. Он молча кивнул, предлагая мне продолжать.

— Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, это не просто хорошая кандидатура. Это ключ. Если мы поставим во главе военного ведомства профессионала такого уровня, за ним потя-

нутя и другие. Десятки, сотни военспецов из старого Генштаба сидят по домам или прозябают на незначительных должностях. Они боятся. Боятся комиссаров с маузерами, боятся анархии. Но если они увидят во главе армии человека своего круга, человека чести и долга... Они придут. Они помогут нам построить настоящую армию, а не этот сброд, который сейчас пытается собрать Муравьёв.

Ленин слушал очень внимательно, его пальцы снова начали выбивать дробь по столу.

— Продолжайте.

— Нам нужно немедленно активизировать работу по созданию РККА. Не на словах, а на деле.

Я встал с кресла и подошёл к карте на стене.

— Владимир Ильич, то, что я сейчас предложу. — я сделал паузу, подбирая слова. — Я предлагаю создать структуру разведки. Систему. Разведка должна быть разной. Должна быть армейская разведка, которая будет знать о передвижении войск противника. Должна быть военно-морская. Должна быть политическая разведка по линии Наркоминдела, чтобы понимать дипломатические ходы Антанты и Берлина. И должна быть контрразведка, которой занимается ВЧК Феликса Эдмундовича.

Я повернулся к нему.

— Но все эти данные... все эти разрозненные сведения... они должны стекаться в один центр. В мою Коллегию планирования. Мы будем сопоставлять их, анализировать, очищать от дезинформации и выдавать вам не просто отчёты, а цельную картину мира. Только так наши сведения будут точными. Только обладая всей полнотой информации, военной, политической, экономической, мы сможем принимать верные стратегические решения. Без этого мы слепы.

Ленин долго молчал. Он перестал барабанить пальцами и смотрел на меня с прищуром, в котором читалась напряжённая работа мысли. Он оценивал не просто предложение, а всю систему в целом.

— То есть вы предлагаете стать... верховным аналитиком? Главой информационного штаба?

— Да, Владимир Ильич. Я предлагаю создать механизм, который не даст нам совершить фатальных ошибок из-за незнания реальной обстановки.

Он подошёл к столу и сел, но его поза оставалась напряжённой.

— Хорошо... Я подпишу декреты завтра утром. И о Коминтерне для Троцкого... и о Комиссии по военным делам для Бонч-Бруевича. Он сделал паузу и добавил с нажимом: — А вы... вы начинайте работу над созданием вашей... службы внешней разведки и этой вашей аналитической системы.

Я кивнул.

— Будет сделано, Владимир Ильич.

Он подошёл к столу и сел.

— У вас есть три дня на то, чтобы ваша новая структура начала выдавать первые осмысленные отчёты о состоянии страны.

Я направился к двери, чувствуя облегчение, смешанное с новой волной тревоги. Ленин согласился нейтрализовать Троцкого и дал добро на создание армии и единой разведывательной системы.

Я уже взялся за холодную медную ручку двери, когда что-то заставило меня остановиться. Я обернулся.

Ленин так и не встал из-за стола. Он сидел, сгорбившись, и смотрел не на меня, а на разложенные перед ним бумаги, проекты декретов, которые я принёс. Его лицо, освещённое тусклым светом лампы, выглядело осунувшимся и серым. Под глазами залегли тёмные, почти фиолетовые тени. Он выглядел не просто уставшим, а хронически уставшим, словно из него вытянули все жизненные соки.

— Владимир Ильич... — мой голос прозвучал глухо в тишине кабинета.
Он поднял на меня взгляд, в котором на секунду промелькнуло удивление.

— Да?

— Как вы себя чувствуете? — спросил я напрямую. — Когда вы отдыхали в последний раз? По-настоящему отдыхали?

Ленин раздражённо махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

— Не говорите глупостей, Краев. Сейчас не время для отдыха. Страна на краю пропасти, а вы говорите об отдыхе. Вот разгребём этот завал... построим армию... наладим контроль... тогда и отдохнём.

Я сделал шаг обратно в кабинет, оставив дверь приоткрытой.

— Нет, Владимир Ильич. Это вы говорите глупости. Вы, не механизм. Вы, человек. И если этот механизм сломается от перегрузки, то всё, что мы с вами сегодня обсуждали, станет бессмысленным. Коминтерн, армия, разведка... Всё это будет неважно, если вы ляжете.

Я подошёл к столу и опёрся на него руками, наклонившись чуть вперёд, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

— Отдых, это не роскошь. Это необходимость. Это техническое обслуживание самого важного актива Советской республики, вас. Три дня. Дайте мне три дня форы. Я запущу механизм НКГК. А вы... вы закроетесь в этой комнате или у себя в квартире и проспите десять часов подряд. Без звонков, без бумаг, без «товарищей» с неотложными вопросами.

Он смотрел на меня с удивлением, смешанным с возмущением. Но я видел, что за этой маской раздражения скрывается смертельная усталость, которую он и сам уже не мог скрывать.

— Я... — начал он,

Но я перебил его:

— Это не просьба. Это приказ наркома государственного контроля в интересах государственной безопасности. Я запрещаю вам работать до утра.

На его лице промелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Вы становитесь невыносимо дерзким, Краев.

— Только когда это необходимо для дела, Владимир Ильич.

Он долго смотрел на меня молча, а потом тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Хорошо... Хорошо. Возможно, вы правы. Я действительно чувствую себя отвратительно.

— Вот и договорились. А теперь идите спать.

Я вышел из кабинета и тихо прикрыл за собой дверь. За спиной я услышал шорох бумаг и скрип кресла — кажется, он всё-таки решил меня послушать.

Я шёл по пустому кремлёвскому коридору к выходу, и тяжесть ответственности давила на плечи ещё сильнее. Но теперь к ней добавилось что-то ещё. Облегчение.

Впереди было три дня до первого отчёта.

Глава 7

Глава седьмая. Ночная Москва

Я вышел из ворот Кремля на свежий воздух и остановился, глубоко вдохнув морозную ночь. После душного кабинета Ленина прохлада казалась почти осязаемой, она немного прочистила голову. Идти домой? Да. Но я медлил. Мне нужно было это время. Побывать одному. Без телефонов, без срочных докладов, без пронизывающего взгляда Ильича.

Я медленно пошёл вниз по Тверской, засунув руки в карманы пальто. Фонари горели через один, их тусклый свет выхватывал из темноты грязные сугробы и фасады домов, испещрённые следами пуль октябрьских боёв. Город спал.

«Когда я последний раз нормально спал?» — мысль пришла сама собой, и я понял, что могу вспомнить лишь смутный образ сна в поезде. Всё слилось в один бесконечный, серый день, состоящий из разговоров, приказов, анализа карт и составления планов. Я чувствовал себя механизмом, заведённой пружиной, которая вот-вот лопнет от напряжения.

Но отдыхать нельзя. Ни мне, ни ему. Пока мы строим этот мир, любая остановка, смерть.

Мои мысли невольно вернулись к сегодняшнему вечеру. К Ленину. И тут меня осенило. Я вдруг увидел всю эту новую элиту, всех руководителей страны, со стороны. Не как исторических личностей из учебников, а как живых людей, чьи характеры и идеи сталкивались в смертельной схватке за будущее.

Зиновьев. Хозяин Петрограда. Он панически боится потерять свою вотчину, свой Смольный. Перенос столицы для него, личное унижение, ослабление его влияния. Он будет саботировать любые инициативы, идущие из Москвы, просто из принципа.

Сталин. Молчаливый грузин. Он пока держится в тени, работает методично, занимаясь национальным вопросом. Он поддерживает мои идеи о порядке и централизации, потому что они созвучны его собственному видению жёсткой вертикали. Но он опасен. Его амбиции скрыты глубже, чем у Троцкого, и он умеет ждать. Полезный союзник сейчас, но кто знает, кем он станет потом?

Чичерин. Зам.нарком иностранных дел. Идеалист-интеллигент. Он пытается вести дипломатию так, будто мир всё ещё живёт по старым правилам вежливости и протокола. В то время как нам нужна не дипломатия, а спецоперация. Ему нужен сильный аппарат за спиной, который будет добывать факты, а не надеяться на честное слово бывших союзников по Антанте.

Они многого не умели. Они совершали чудовищные ошибки. Их методы часто были варварскими. Логика, обрывочной, а решения продиктованы, идеологией, а не прагматизмом. Но главное, каждый считал себя непогрешимым. Людей изматывали не физические нагрузки, а постоянные споры, отстаивание именно своего мнения, борьба амбиций в тот момент, когда страна трещала по швам.

В такой период, думал я, глядя на тёмные окна зданий, нужна диктатура. Настоящая, авторитарная вертикаль управления этой огромной страной. Чтобы решение принималось один раз и исполнялось беспрекословно, а не тонуло в бесконечных дискуссиях партийных фракций. Но готов ли Ленин стать таким правителем?

Нет, поправил я сам себя, сворачивая в свой переулок. Сейчас, не готов. Его натура революционера-подпольщика всё ещё противится идее абсолютной личной власти. Он ищет консенсус там, где его уже нет. Он пытается убеждать там, где нужен приказ. Но я должен помочь ему увидеть эту необходимость. Я должен быть готов к любому вопросу, к любому спору. Я должен приходить к нему не с проблемами, а с готовыми решениями, показывая железную логику: «Если мы не сделаем А, то произойдёт Б, и это будет катастрофа». Страна не может управляться комитетом. Ведь мне это уже удалось сегодня. Удалось убедить его одним росчерком

пера нейтрализовать Троцкого, предложив ему глобальную задачу. Удалось продать идею создания армии под руководством профессионала. Я показал ему выход из лабиринта. Теперь нужно делать это снова и снова, пока он не привыкнет принимать решения так, как того требует время.

Я свернул в переулок, ведущий к моему временному пристанищу. Впереди был короткий отдых, а затем — три дня гонки со временем. Три дня, чтобы доказать, что моя безумная затея с наркоматом может работать.

Я встряхнулся и ускорил шаг. Спать. Хотя бы пять часов.

Глава 8

Глава восьмая. Машина набирает обороты Москва. 14–16 марта 1918 года.

Тишина, последовавшая за разговором с Лениным, была почти оглушающей. В Кремле словно забыли о существовании нового наркомата, и эта передышка, данная Ильичом, была бесценна. Она напоминала затишье перед бурей, когда природа замирает в ожидании первого удара грома. Эти три дня слились для меня в один бесконечный, серый калейдоскоп. Калейдоскоп из сотен лиц, папок с личными делами, запаха типографской краски на свежих бланках мандатов и бесконечных, выматывающих споров с моими новыми заместителями.

Я заперся в своём кабинете в здании «России», превратившись из стратега, чертящего планы на картах, в прораба, вынужденного лично закручивать каждую гайку на возводимой конструкции. Моя задача была проста по формулировке и невыполнима по сути: заставить, эту машину, не просто существовать на бумаге, а работать к утру семнадцатого марта.

Работа шла по нескольким направлениям одновременно, и я метался между ними, как белка в колесе. С Быстрых мы говорили на языке цифр и систем. Он, бывший офицер Генштаба, понимал меня с полуслова.

— Николай Михайлович, — я разложил перед ним черновик инструкции для его Коллегии планирования. — Ваша задача, стать не просто архивом и не просто сборщиком статистики. Вы должны стать мозгом. Мозгом, который переваривает информацию и выдаёт готовые решения.

Он снял очки, устало протёр их и посмотрел на меня с пробудившимся интересом.

— Поясните вашу мысль, Александр Владимирович.

— Мы будем получать данные от всех. От агентов ВЧК Дзержинского, от дипломатов Чичерина, от армейских разведчиков... когда они у нас появятся. Но эти сведения будут разрозненными. Например, один агент сообщает о забастовке в Гамбурге. Другой, о переброске немецкой дивизии к Риге. Третий, о падении цен на зерно в Чикаго. Наша задача, соединить эти точки. Понять причинно-следственную связь. Падение цен на зерно бьёт по экономике Германии? Значит, Антанта будет давить на них сильнее, чтобы открыть Восточный фронт. Значит, нам нужно ждать удара здесь! Политическая информация должна стыковаться с экономической, а та, с военной. Нам нужно не констатировать факты, а предсказывать события.

Глаза Быстрых, воспалённые от недосыпа, загорелись холодным профессиональным блеском. Он был человеком системы, и эта задача, создать идеальную систему анализа, захватила его.

— То есть мы должны видеть картину целиком?

— Именно так. Мы должны видеть не мозаику из тысячи кусочков, а готовое полотно.

Параллельно с этим Василий, руководитель Службы специальной охраны, формировал её костяк. Он не стал собирать уличных громил или идейных фанатиков. Его людьми стали такие же матросы и солдаты, как он сам, исполнительные ветераны петроградских событий. Они быстро взяли под контроль здание «России», организовав пропускной режим и посты так, что мышь не проскочила бы без моего ведома.

Но главное моё внимание было приковано к пустующему пока кабинету начальника ГИРУ. Это должен был быть наш карающий меч.

Добронравов позвонил вечером четырнадцатого. Его голос в трубке звучал глухо и удовлетворённо:

— Есть кандидатура. Человек из бывших. Следовательно по особо важным делам сыскайной полиции Москвы. Зовут Алексей Петрович Сомов. — Характеристики? Жёсткий. Умный. Абсолютно неподкупен. Идеально подходит.

— Когда я смогу с ним поговорить?

— Он будет у вас завтра в десять утра. Я предупредил его.

Встреча состоялась ровно в срок. Сомов вошёл в кабинет так, словно хотел казаться тенью, невидимкой. Среднего роста, в потёртом, но идеально чистом костюме. Неприметное лицо без особых примет. Но глаза... Глаза были острыми, колючими рентгеновскими лучами. Они просвечивали собеседника насквозь за долю секунды: оценивали, взвешивали, классифицировали и убирали в архив памяти. За пять минут разговора я понял: Добронравов нашёл алмаз. Сомов был хищником. Охотником за чужой ложью. Мы говорили на одном языке, фактов и улик.

Я не стал тратить время на дипломатию.

— Ваша должность называется начальник ГИРУ. Но забудьте слово «инспекция». Мне плевать на проверку наличия чернил в канцелярских приборах и табелей выхода на работу. Ваша задача гораздо глубже и опаснее.

Я встал из-за стола и сел на его край, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Вы будете искать не воров-одиночек. Вы будете искать системные сбои. Не кражу мешка муки со склада, это мелочь. А дыры, которые позволяют этот мешок украсть. Нам противостоят не просто саботажники или голодные кладовщики. Нам противостоит сложнейшая система хищений... Чтобы их переиграть, нам нужны такие же люди...

Я протянул ему папку с проектом положения об управлении.

— ...Вас будут ненавидеть все наркомы... Вас будут пытаться убить...

Я поднялся во весь рост.

— ...вы должны спасти эту страну от хаоса изнутри.

Он взял папку, не торопясь... Его тонкие губы тронула едва заметная усмешка, не весёлая, а волчья.

— Понимаю... Мне нужна команда аудиторов с мозгами математиков и хваткой бульдогов.

— Именно так.

Он молча кивнул, это было согласие человека дела, и вышел так же неслышно, как и вошёл.

К вечеру шестнадцатого марта всё было готово... Огромная государственная машина НКГК была собрана по винтику и стояла в тёмном зале «России», ожидая запуска.

Я откинулся в кресле и посмотрел на часы на стене кабинета. До крайнего срока оставалось меньше суток.

Дверь кабинета распахнулась...

— Первые сводки, — сказал Быстров глухо, и положил бумаги на стол передо мной. — Как вы и предполагали, никто не посмел отказать...

Я взял верхний лист из стопки... Общая картина была ясна и безрадостна: транспортная система находилась в состоянии клинической смерти. Конечно, эти первые справки были далеки от совершенства аналитического шедевра... Но они были сделаны грамотно, педантично и по форме безупречно.

Я перелистнул страницу отчёта и замер. В самом конце документа Быстрых уже начал сводить данные из разных источников в отдельный раздел под заголовком «Внешнеполитическая обстановка и очаги напряжённости».

Мурманск: 6 марта с английского корабля «Глория» высадился первый десант союзников, около 176 человек. А 18 марта в Мурманский порт прибудет французский крейсер. Фактически, это плацдарм для возможной полномасштабной интервенции Антанты.

Урал: Здесь начиналось формирование антибольшевистского сопротивления ... начали создавать подпольные организации для вооружённого противодействия.

Дон: Отношения между казачеством... и советской властью стремительно портятся до состояния открытой вражды...

Это был наш первый улов... Но это уже была не просто сухая статистика о количестве шпал или тонн угля. Это была карта реальных угроз существованию советской власти, карта будущих фронтов Гражданской войны.

Я поднял взгляд на Быстрых... Чувствуя, как внутри всё холодеет от точности этих данных и скорости их получения.

— Николай Михайлович... Ваша главная задача теперь, отдел анализа... Пусть ваши люди начнут сопоставлять эти цифры... Нам нужно найти точки разрыва...

Быстрых надел очки и внимательно прочитал строки про Мурманск и Урал.

— Потребуется время... И более мощные инструменты...

— Время у вас до утра завтрашнего дня, — отрезал я, понимая всю чудовищность этого срока, но не видя иного выхода. — А инструменты... будем решать проблемы по мере их поступления.

Машина готова. Она сделала свой первый вдох...

Я встал из-за стола... но впервые за трое суток я чувствовал не панику от объёма работы впереди, а холодное, расчётливое удовлетворение от того, что процесс наконец-то пошёл по заданному мной вектору.

Глава 9

Глава девятая. Карта угроз

Москва. 17 марта 1918 года. Утро.

Кабинет Ленина.

Я вошёл без доклада — условный сигнал был один короткий удар костяшками пальцев о косяк. Часовой у двери лишь молча козырнул, узнав меня. Дверь в приёмную была приоткрыта, но я не стал ждать, пока секретарь доложит. Время играло против нас.

Ленин сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то быстро писал, яростно царапая пером по листу. Услышав, как хлопнула дверь, он резко поднял голову. В его взгляде на мгновение промелькнуло раздражение от того, что его прервали, но оно тут же сменилось острым, пронизывающим интересом. Он увидел папку в моих руках.

— Краев? — он отложил ручку. — Я ждал вас с отчётом завтра к вечеру.

— Владимир Ильич, — я подошёл к столу и положил папку прямо поверх бумаг, которые он только что читал. — Это не может ждать до завтра. Это не просто отчёт о состоянии транспорта или запасов зерна. Это то, что я обещал вам создать. Аналитика.

Он не стал спрашивать разрешения. Он немедленно открыл папку. Я видел, как его глаза бегают по строчкам, как он нахмурился, дойдя до сводных таблиц по железным дорогам, и как его лицо начало каменеть, когда он перевернул страницу и начал читать раздел, озаглавленный «Внешнеполитическая обстановка».

В кабинете повисла абсолютная тишина, нарушаемая лишь шорохом переворачиваемых страниц и тяжёлым дыханием Ленина. Он читал молча, но его реакция была красноречивее любых слов. Он перестал ёрзать в кресле и застыл, словно изваяние. Лишь пальцы, вцепившиеся в край стола так, что побелели костяшки, выдавали колоссальное внутреннее напряжение.

Дочитав до конца, он медленно закрыл папку. Поднял на меня взгляд. В нём больше не было усталости, которую я видел вчера. Там был лёд.

— Откуда... эти сведения? — его голос был тихим и хриплым. — Наркоминдел докладывает мне лишь о формальном прибытии кораблей. О том, что они «охраняют склады». А здесь... здесь же... это плацдарм!

— Это данные из пяти разных источников, Владимир Ильич, — спокойно ответил я, хотя сердце колотилось как бешеное. — Сводки от военных агентов в портах, донесения от местных Советов (из тех, что ещё не полностью под нашим контролем) и открытые данные европейской прессы. Моя Коллегия планирования свела их воедино. Картина получается именно такая.

Он снова открыл папку на странице с данными по Уралу и Дону.

— Подпольные организации... Отказ казаков подчиняться декретам... Это же... это начало полномасштабной гражданской войны! А мы здесь... мы здесь даже не видим этого! Мы слепы!

— Именно поэтому этот наркомат и был создан, — твёрдо сказал я. — Чтобы Совет народных комиссаров не принимал решения вслепую. Вы спрашивали меня о реальности? Вот она. На этой бумаге. Не в лозунгах товарища Зиновьева о «колыбели революции», а в фактах. В фактах о том, что страна уже начинает гореть по краям.

Он встал из-за стола и подошёл к карте России, висевшей на стене. Долго молча смотрел на неё, затем ткнул пальцем куда-то в район Мурманска.

— Интервенция... Они не будут ждать конца войны с Германией. Они уже здесь.

— Они прощупывают почву, — согласился я. — И, если мы не покажем силу и наличие надёжной власти в центре, они решат, что можно заходить по-хозяйски.

Ленин резко повернулся ко мне. Его взгляд был пронзительным.

— Вы понимаете, что это значит? Если эти данные верны... если хотя бы половина из этого правда... нам нужно немедленно менять всю внутреннюю политику! Нам нужна армия! Нам нужен порядок! Нам нужен тотальный контроль над информацией!

Он вернулся к столу и снова сел, но уже не как уставший человек, а как председатель Совнаркома, готовый к бою.

— Вы говорили о диктатуре? О необходимости жёстких решений? — он не спрашивал, он констатировал факт моего вчерашнего монолога. — Теперь я понимаю, что вы имели в виду. Промедление действительно смерти подобно.

И тут его взгляд изменился. Усталость уступила место острому, почти болезненному осознанию собственной ошибки. Он откинулся на спинку кресла и глухо произнёс:

— Троцкий... Какую же змею мы пригрили на груди. Если бы я снял этого авантюриста раньше...

Его слова прозвучали как приговор самому себе. Он понял, что нерешительность в вопросе с Троцким обошлась стране слишком дорого.

— Вы абсолютно правы, Владимир Ильич, — ровно произнёс я, давая ему секунду прийти в себя. — Но сейчас важно не то, кто виноват в прошлом, а то, что мы делаем в настоящем. У нас есть карта минного поля. Нужно учиться по ней ходить.

Он долго смотрел на меня поверх очков. В его взгляде читалось недоверие к столь быстрому результату, смешанное с глубоким уважением.

— И докладывайте мне лично каждый день в это же время. Я должен видеть то же, что видите вы.

Я забрал папку со стола. Я победил. Моя структура доказала свою состоятельность в первый же день работы. Но глядя на мрачное лицо Ленина, изучающего карту будущих фронтов, я понимал: эта победа не принесла радости. Она лишь подтвердила самые страшные прогнозы о будущем страны. Машина запущена. И она показывает путь к пропасти.

Глава 10

Глава десятая. Шахматная партия Москва. 17 марта 1918 года. Полдень.

Тишина в кабинете была плотной, почти осязаемой. Она давила на уши, заставляя слышать лишь собственное дыхание и мерный стук маятника часов. Я сидел за массивным столом, заваленным сводками по железнодорожным перевозкам, пытаюсь выстроить логистическую карту из хаоса обрывочных данных. Бумага пахла типографской краской и усталостью.

Грохот распахнувшейся двери ударил по нервам. Дверь не открылась — её буквально отшвырнули так, что она ударилась о косяк с глухим треском. На пороге стоял Лев Давидович Троцкий.

Он был страшен. Пенсне сидело криво, знаменитая грива волос спуталась, а глаза горели такой яростью, какую редко можно увидеть у человека, привыкшего повелевать массами. Он шагнул к столу, опираясь на него костяшками пальцев.

— Краев! — его голос сорвался на шипение. — Вы смеете играть со мной? Думаете, раз получили подпись Ильича, стали невидимкой?

Я медленно положил карандаш на стол и сцепил пальцы в замок, глядя ему прямо в зрачки. Спокойствие сейчас было моим единственным щитом.

— О чём вы, Лев Давидович?

— Не смейте валять дурака! — он ударил кулаком по столешнице так, что подскочила чернильница. — Перестаньте прятаться за спину Ленина! Вы смеете указывать мне моё место! Сняли меня с Наркоминдела без единого слова предупреждения!

— Вас никто не снимал, товарищ Троцкий, — ровно ответил я. — Вам предложили новую должность. Гораздо более масштабную, чем управление руинами Министерства иностранных дел.

— Масштабную?! — он горько рассмеялся, но смех прозвучал как рычание раненого зверя. — Меня, создателя Революции, бросили писать листовки для немецких портовых грузчиков? «Коминтерн»? Вы хотите отправить меня в почётную ссылку? В эмиграцию, пока здесь будете строить свою тихую империю?!

Я подошёл к окну и прижался лбом к холодному стеклу, собираясь с мыслями.

— Вы ошибаетесь дважды, Лев Давидович, — наконец произнёс я, поворачиваясь. Мой голос звучал ровно, скрывая бушующее внутри напряжение. — Во-первых, это не ссылка. Это создание штаба Мировой революции. Того самого пожара, который должен охватить Европу, о котором вы говорите на каждом митинге. Ленин понял главное: нам нужен не дипломат, оправдывающий наши действия перед швейцарскими социалистами. Нам нужен вождь Интернационала. Человек, способный поднять рабочих Берлина и Парижа прямо сейчас. Во-вторых... давайте говорить языком цифр, а не обид. Посмотрите сюда.

Я подтолкнул к нему через стол несколько листов свежей статистики.

— Два миллиона военнопленных Центральных держав находятся на нашей территории. Немцы, австрийцы, венгры, чехи. Что мы делаем с ними сейчас? Держим в лагерях, кормим их хлебом, которого не хватает нашим рабочим, и ждём бунта или побегов.

Я ткнул пальцем в колонку цифр.

— А теперь смотрите на социальный состав. Почти сорок процентов — рабочие. Ещё треть — социал-демократы, которых гнали на фронт прусские юнкера и австро-венгерские аристократы. Они сыты войной по горло! Сейчас они сидят в бараках и проклинают свои правительства, которые заключили этот грабительский мир. Это готовая армия Революции! Обученная, озлобленная, тоскующая по дому, где тоже голодают такие же пролетарии.

Я наклонился вперёд, понижая голос до шёпота, чтобы заставить его слушать ещё внимательнее.

— Мы можем вооружить их идеологией раньше, чем Антанта успеет вооружить их винтовками против нас. Отправить их обратно не пленными, а апостолами Коминтерна. Представьте: тысячи организованных бойцов возвращаются в Мюнхен, Будапешт и Прагу не с пустыми руками, а с опытом русской революции. Это готовый детонатор для взрыва всей Европы! Разве не об этом писал Маркс? Разве не об этом ваша теория перманентной революции?

Троцкий перестал дышать. Его ноздри дрогнули. Амбиции взяли верх над личной обидой. Он увидел не ссылку, а трон.

Но нужно было добить остатки его сомнений напоминанием о недавнем провале.

— И последнее. — сказал я жёстче. — Давайте будем честны друг с другом, Лев Давидович. Ваш пост наркома иностранных дел... Вы проиграли партию. Брест стал триумфом Ленина-дипломата, но вашим личным поражением. Потеря Украины, контрибуция золотом, деморализация армии — это цена вашей ставки на немедленный пожар в Берлине. Огонь не занялся. Вы поставили на zero и проиграли банк.

Его лицо исказилось, но я не дал ему вставить слово:

— Коминтерн — это ваш шанс взять реванш. Германия уязвима сейчас. Их солдаты устали, их экономика трещит. Если бросить туда правильную искру — Берлин полыхнёт быстрее, чем Петроград год назад. Вы возглавите мировой пожар, а не будете собирать пепел в разгромленном министерстве. Выбор за вами: остаться в истории автором похабного мира или стать архитектором Всемирной Республики Советов.

Троцкий молчал долго. Очень долго. Он отошёл от стола и прошёлся по кабинету, заложив руки за спину. Его плечи больше не были напряжены. Гнев сменился лихорадочной работой мысли хищника, почуявшего кровь.

Наконец он остановился и посмотрел на меня. Ярость ушла, осталась только холодная, расчётливая заинтересованность.

— Хорошо сыграно, Краев. — произнёс он тихо. Голос снова стал бархатным, гипнотическим. — Признаться, изящно. Даже слишком изящно.

— Мы все служим Революции, Лев Давидович. Просто разными методами.

Он подошёл к двери, но обернулся на пороге. Улыбка исчезла, лицо стало жёстким.

— Учтите, Краев. Если ваш хваленый Коминтерн провалится, если рабочие Европы нас предадут — я вернусь. И тогда разговор у нас будет совсем другим.

Дверь закрылась за ним бесшумно.

Я остался один. Сердце наконец начало биться ровнее. Первый раунд поединка со вторым человеком в государстве выигран. Но машина требовала топлива.

Я встал из-за стола и быстро пошёл следом, перехватив Троцкого уже в коридоре, прежде чем он успел скрыться.

— Лев Давидович!

Тот остановился, медленно повернув голову. Его бровь вопросительно поползла вверх.

— Ещё одно, — сказал я тише, подходя вплотную. — Чтобы разжечь этот пожар, вам не нужны матросы-анархисты или партийные агитаторы с красными бантами. Вам нужны те, кто умеет работать тонко. Кто знает языки, психологию, конспирацию. Профессионалы разведки.

Троцкий нахмурился, ожидая подвоха.

— И где прикажете мне их взять? Наркомат по иностранным делам мы разогнали сами.

— Не там ищите, — я чуть наклонился к нему, понижая голос до шёпота. — Пойдите к Феликсу Эдмундовичу. Прямо сейчас. Скажите ему, что для работы Коминтерна вам требуются лучшие кадры его ведомства. Те самые «старые специалисты», которые умеют вести

агентурную работу, вербовать и внедряться. Он поймёт. Для защиты революции хороши любые инструменты. А вы дадите им великую цель вместо презрения тюремщиков.

Глаза Троцкого расширились. Он понял ход мгновенно. Использовать ненавистных «жандармов», поставив их на службу мировой революции под своим началом... Это было дерзко, цинично и абсолютно эффективно.

Он молча кивнул, развернулся и быстрым шагом пошёл прочь по коридору — теперь уже зная, куда идти и что делать.

Я вернулся в кабинет. Дверь захлопнулась с тихим щелчком. Я чувствовал себя опустошённым, но странно удовлетворённым.

Глава 11

Глава одиннадцатая. Пустые сундуки

Москва. 17 марта 1918 года. Вечер.

Время остановилось. В кабинете бывшего страхового общества «Россия», который мы спешно переоборудовали под штаб НКГК, стояла мёртвая тишина. За окном выла мартовская метель, бросая в стёкла горсти мокрого снега. Я сидел за массивным столом из морёного дуба, заваленным сводками, и пытался выстроить логистическую карту из хаоса обрывочных данных.

Напротив, сидели двое. Николай Михайлович Быстрых, наш главный аналитик, сгорбился над grossбухом так, что казалось, он пытается спрятаться за цифрами от реальности. Его лицо цветом напоминало старую газету. Рядом развалился Алексей Петрович Сомов — бывший следователь сыскной полиции, а ныне начальник моего ГИРУ. Он выглядел щёголем среди оборванцев: чистое пальто, аккуратная борода, но взгляд был холодным и пустым, как у змеи. У окна стоял Василий.

— Докладывайте, — бросил я. Голос прозвучал хрипло. Горло пересохло от недосыпа.

Быстрых тяжело вздохнул, поправляя очки с треснувшим стеклом.

— Согласно отчётности Наркомфина... На текущий момент, семнадцатое марта, общая сумма средств, выделенных на нужды снабжения столицы и армии за отчётный период, составляет сто сорок два миллиона четыреста тысяч рублей. Это то, что прошло официально.

Я откинулся в кресле. Сто сорок два миллиона. Огромная цифра для умирающей экономики. Этой суммы хватило бы, чтобы завалить Петроград и Москву хлебом, а армию патронами до самой крыши.

— А теперь покажите мне ведомость фактического на склады, — мой голос прозвучал обманчиво спокойно.

Быстрых молча пододвинул второй листок. Графа «Остаток на складах». Цифра напротив строки «Зерно» была нулевой. Напротив, «Уголь» стоял прочерк. В графе «Денежные средства в кассах предприятий» значилась издевательская сумма в несколько десятков тысяч — остатки, которые не успели украсть или обменять на самогон.

— То есть? — подал голос Василий, который до этого мрачно смотрел в окно. Он был человеком действия, и эта бухгалтерская мистика его злила.

— То есть, товарищ Краев, — Быстрых снял очки и устало потёр переносицу, — деньги ушли. По документам они переведены со счетов Наркомфина. Есть визы товарища Скворцова-Степанова. А вот здесь, — он постучал сухим пальцем по пустой строке остатков, — пустота. Хлеб сгнил или ушёл перекупщикам. Уголь уехал в неизвестном направлении. Мы платим фантомам. Казначейство печатает бумажки, ведомства рапортуют о закупках, а когда мы приходим за товаром, получаем дулю.

Меня начала бить мелкая дрожь. Не от холода. От осознания масштаба катастрофы. Мы пытаемся строить новое государство, опираясь на ложь. Вся наша экономика, это карточный домик, построенный на воровстве писарей.

В этот момент заговорил Сомов. Он даже не пошевелился, только лениво перевёл взгляд с потолка на меня. Голос у него был тихий, лишённый эмоций, похожий на скрип ножа по стеклу:

— Финансы — это прекрасно, господа-товарищи. Но разрешите доложить о материальной части. Мои люди сегодня ночью посетили указанные в отчётах базы хранения Наркомпрода.

Он выдержал паузу, наслаждаясь моментом.

— Склады пусты. Те самые элеваторы, под которые пришли миллионы согласно ведомостям Наркомфина ещё в феврале. Либо заперты на амбарные замки, ключи от которых потеряны вместе с комендантами. Либо стоят голые. Местные Советы разводят руками: говорят, груз пришёл, но был «реквизирован проходящими частями» ещё неделю назад. Ни расписок, ни следов груза. Бумаг нет.

— Золото, — произнёс я внезапно. Мой голос сел до хрипоты. Этот вопрос был важнее хлеба и патронов вместе взятых.

Сомов медленно повернул голову. Его взгляд стал ещё холоднее, прозрачнее.

— Золотой запас Государственного банка?

— Именно. Полный отчёт. Где физически находятся слитки на данный момент, какова точная масса по весу, состояние охраны и кто имеет доступ к ключам от хранилищ. Мне нужны имена каждого часового и инкассатора. Немедленно.

Сомов откинулся на спинку стула, сцепив пальцы на животе. На его губах появилась тонкая, почти змеиная улыбка.

— С золотом ситуация... интересная, Александр Владимирович. И она объясняет очень многие странности последних недель.

Он выдержал паузу, наслаждаясь моментом театрального эффекта.

— Запас хранится в Нижнем Новгороде. Казанское отделение эвакуировали туда ещё летом прошлого года. Так вот, согласно последним банковским выпискам, которые я получил через своих людей в Наркомфине, там числится 1100 миллионов рублей золотом. Если перевести в метрическую систему — примерно 852 тонны чистого металла.

У меня перехватило дыхание. 852 тонны. Это третий по величине золотой запас в мире на тот момент. Уступает только США и Франции. Наша главная ставка в любой игре.

— А теперь самое интересное, — Сомов понизил голос до шёпота. — Согласно документам последней инкассации, которая пришла три дня назад из Нижнего, при транспортировке «случайно» пропало около пятидесяти пудов золота. По, факту, испарились между Арзамасом и Нижним. Вместе с охраной.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Куда ведут следы?

— Никуда, — пожал плечами Сомов. — Охранники мертвы. Их нашли в сугробах со следами пыток. Чисто сработано. Очень профессионально. Ни гильз, ни следов борьбы. Я поднял старые дела охраны. Почерк знакомый. Работали люди, которых готовили для эксов ещё в девятьсот пятом году. Люди Азефа.

Теперь картинка сложилась окончательно. Это была не просто кража. Это был захват государственного резерва кем-то изнутри системы. Или снаружи, но с помощью идеального информатора. Золото утекало сквозь пальцы прямо сейчас, пока мы тут строим планы мировой революции.

— Найдите мне этих людей, Алексей Петрович, — мой голос сел до хрипоты. — Живыми или мёртвыми. Но сначала найдите концы того золота, которое уже ушло. Проверьте всех, кто имел доступ к информации. Копайте землю носом, но верните мне это золото.

Сомов кивнул, поднялся и, неслышно ступая, вышел из кабинета. Даже дверь не скрипнула.

Мы остались втроём. Василий всё ещё буравил взглядом цифры на бумаге, его челюсти сжались так, что желваки ходили ходуном. Быстрых сидел белый как полотно, осознавая масштаб дыры в бюджете.

— Свободны, — бросил я им. — Через сутки жду первые протоколы допросов.

Когда дверь за ними закрылась, я остался один. Подошёл к окну. Москва утопала в серой грязи ранней весны. Город-призрак.

Но думать об этом было некогда. Самое главное срочно вывезти золото в Москву.

Я вернулся к столу. Передо мной лежал чистый бланк декрета Совета Народных Комиссаров.

Глава 12

Глава двенадцатая. Золотой рубль

Москва. 18 марта 1918 года. Утро.

Ленин стоял у окна, сцепив руки за спиной. Его спина была напряжена так, что казалось, если он разожмёт пальцы, хребет хрустнет.

Я положил перед ним на стол тонкую папку. На ней было всего несколько слов, написанных моей рукой: «Проект Декрета о Государственном хранилище».

Ленин обернулся не сразу. Он продолжал смотреть в окно на серые башни Кремля.

— Что это? Очередные прожекты по учету портянок? — его голос звучал глухо, но в нём слышалось раздражение человека, которого разрывают на части сотней мелких проблем.

— Это, решение наших текущих проблем — сказал я спокойно.

Он наконец повернулся. В глазах мелькнул интерес.

— Слушаю вас.

— Наше золото, — начал я прямо. — Восемьсот пятьдесят две тонны. Третий в мире запас. Сейчас он лежит мертвым грузом в подвалах Нижнего Новгорода. Мы охраняем их штыками, но мы не можем съесть золото. И мы не можем купить хлеб, потому что никто не верит бумажке с надписью «совзнак». Деньги обесцениваются каждый час.

Я открыл папку и пододвинул ему первый лист проекта декрета

— Предлагаю следующее. Первое: немедленный вывоз золотого запаса из Нижнего сюда, в Кремль. Под личную ответственность ВЧК. Второе: создать специальное Управление Государственного Хранилища. Все операции только через него.

Ленин нахмурился, взял карандаш.

— Рискованно. Если узнают...

— Узнают обязательно, — перебил я его. — Но одно дело искать золото в поездах где-то между Казанью и Москвой, и совсем другое, штурмовать стены Кремля ради сундуков. Здесь оно будет в безопасности. Как символ власти.

Я перевернул страницу.

— Третье: денежная реформа. Совзнаки сгорают в печках, ими оклеивают стены. Я предлагаю ввести Государственный золотой рубль. Обеспеченный золотом Гохрана. Печатать будем здесь, организуем Монетный двор. Бумажка должна быть подкреплена золотом в слитках, которое любой гражданин сможет увидеть своими глазами.

Ленин резко вскинул голову. Его знаменитый прищур стал колючим.

— Вы предлагаете восстановить золотой стандарт капиталистов? Вернуть власть рубля над трудящимся? Товарищ Краев, вы читали Маркса?

— Я читал Адама Смита, товарищ Ленин, — мой голос оставался ровным. — А ещё я видел, что происходит на рынках сейчас. Мешочники правят бал не потому, что они контрреволюционеры. А потому что крестьянин не дурак. Зачем ему отдавать пуд муки за ворох резанной бумаги, которая завтра превратится в труху? Он отдаст её тому, кто даст золотые монеты царской чеканки. Мы проигрываем деревню не кулакам с обрезами. Мы проигрываем её базарной торговке, у которой есть серебряный полтинник.

Я наклонился вперёд, сокращая дистанцию.

— Нам нужна экономическая диктатура, Владимир Ильич. Не менее жёсткая, чем военная. Чтобы победить спекулянта, нам нужно убить чёрный рынок экономически. Пусть наш золотой рубль стоит дорого. Пусть за него можно купить всё. Тогда, крестьянин понесёт зерно не на Сухаревку, а в наши распределители, потому что там платят валютой, которую принимают везде.

Ленин молчал. Он ходил по кабинету, заложив руки за спину. Старый паркет скрипел в такт его шагам.

— Товарно-денежные отношения... — пробормотал он. — Это отступление от принципов. Мы даём частнику инструмент накопления капитала.

— Мы даём государству возможность функционировать! — я повысил голос, вкладывая в него всю накопившуюся усталость.

Я ударил ладонью по столу. Звук получился сухим и громким.

— Хотите строить социализм? Стройте. Но сначала обеспечьте выживание государства! Без хлеба нет революции. Без золота нет хлеба. Всё предельно просто. Либо мы вводим твердый рубль сегодня, либо послезавтра нас сметут голодные толпы, которым будет плевать и на мировую революцию, и на Советскую власть.

Ленин остановился. Медленно провёл рукой по подбородку. Он смотрел на меня долго, изучающе. Словно пытался просверлить во мне дыру взглядом.

— Вы понимаете, что предлагаете легализовать торговлю? Допустить торгашей обратно в храм коммунизма?

— Я предлагаю спасти республику, — ответил я тихо. — Большевики пришли к власти обещанием мира и земли. Землю дали. Мир подписали. Теперь дайте людям еду. Иначе никакой Коминтерн нам уже не понадобится. Завоевывать мир будет некому.

В кабинете повисла тишина. Было слышно, как потрескивает фитиль в лампе.

— Вы читали сводку по Пензенской губернии? — спросил он резко, останавливаясь у карты. — Мужики разогнали продотряд. Убили комиссара.

Я молча смотрел на него.

— Владимир Ильич, — начал я осторожно. — Проблема не в том, что крестьянин жаден. Проблема в арифметике. Ваша хлебная монополия фиксирует цену закупки зерна ниже себестоимости. Мужик вырастил пуд ржи. Он знает, что может продать его мешочнику за пять рублей серебром или сдать вам по твёрдой цене за рубль бумажками, который завтра превратится в пыль. Что выберет здравомыслящий человек?

Ленин вскинул голову.

— Мы реквизируем излишки! Революция требует жертв!

— Мы пытаемся реквизировать семенное зерно, Владимир Ильич, — мой голос прозвучал жёстко. — Посмотрите на карту. Тамбовщина. Дон. Когда красноармеец приходит в хату и лезет в подпол за последним мешком, мужик берёт обрез. Не потому что он монархист. А потому что ему детей кормить нечем. Наши поступки создают армию для белого движения.

Я подошёл к столу и взял чистый лист бумаги, лежащий рядом с чернильницей. — Нам нужна экономическая диктатура. Жёсткая, математически выверенная.

Я быстро набросал несколько строк карандашом.

— Отмените изъятие силой. Совсем. Замените его системой государственных закупок. Спускайте заводам план: сколько стали нужно выплавить, сколько ткани соткать. Государство платит рабочим настоящими деньгами, нашими новыми рублями. Рабочий идёт на рынок и покупает у того же крестьянина хлеб за эти деньги.

Ленин замер. Он медленно повернулся ко мне, словно я превратился в ядовитую змею.

— Вы понимаете, что предлагаете?! — его шёпот был страшнее крика. — Это чистая эсеровщина! Программа Черновской партии! Вы хотите дать середняку наживаться на бедноте прямо посреди социалистической революции!

— А какой смысл в диктатуре пролетариата, если этот пролетарий умрёт от голода? — я тоже повысил голос, подавшись вперёд. — Посмотрите на карту! Армия демобилизована. Солдат ушёл в деревню делить землю. Кто будет ловить этих кулаков? Ваши матросы? Да они первыми начнут менять свои бескозырки на муку!

Я ударил ладонью по столу.

— Поймите же наконец: пока во Франции спорят социалисты, русский мужик решает вопрос власти вилами. Если мы заберём у него последнее сегодня, осенью нам нечего будет жрать. Никакая Красная Армия не спасёт нас, если тыл поднимется всей массой. Нам нужен хлеб любой ценой. Пусть лучше кулак продаст нам сто пудов добровольно, чем мы уьём десять продотрядовцев ради одного мешка гнилой пшеницы.

Ленин тяжело дышал. Он схватил карандаш и сломал грифель пальцами. Желваки ходили ходуном. Он ненавидел эту логику. Она была буржуазной, предательской, пахла керенщиной. Но он был слишком умён, чтобы её игнорировать.

— Это гибель идей Октября, — глухо произнёс он, глядя куда-то сквозь меня. — Мы отдаём рынок спекулянтам.

— Мы даём рабочему возможность купить хлеб честно, — ответил я тише. — Крестьянин получит деньги, понесёт их обратно в государственную лавку и купит на них ситец, плуг или сапоги. Деньги вернутся в казну. Товары пойдут в оборот. Мы запустим маховик обмена, не отдав ни пяди государственной собственности частным фабрикантам. С натурального налога, который будет по силам выплатить любому крестьянину мы будем кормить армию и выдавать продпайки.

Тишина стала невыносимой. Было слышно, как тикают часы на стене.

Ленин вдруг резким движением поднял сломанный карандаш, швырнул его в корзину и сел за стол. Макнул перо в чернильницу. Рука слегка дрожала.

— Пишите проект декрета, — бросил он отрывисто. — О замене хлебной монополии натуральным налогом. Оставьте место для названия. Придумаем потом.

Он начал писать, низко склонив голову над бланком СНК.

— И про золотой паритет валюты туда впишите, — буркнул он, не поднимая глаз. — Раз уж начали...

— Хорошо, и еще Владимир Ильич, золото спец.эшелонем, под охраной латышских стрелков, сегодня будет отгружено. Этот вопрос полностью согласован с ВЧК.